

Язык субъективного опыта и проблема его референтов**Улановский Алексей Маркович**

молодой ученый

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, г.Москва, Россия

E-mail: ulany@mail.ru

В последнее время в психологии и смежных гуманитарных науках широкую дискуссию получила проблема «чистых описаний» и возможности подлинной репрезентации переживаний. В целом ряде влиятельных работ по метатеории и методологии психологии высказываются серьезные сомнения по поводу того, что мы вообще можем что-то в подлинном смысле описывать. Наиболее жесткую позицию в данном вопросе занимает социальный конструкционизм. Возникший в середине 1970-х годов как реформистский подход в социальной психологии, социальный конструкционизм дал развернутую критику различным формам реализма, объективизма, эссенциализма, элитаризма в науке (Gergen, 1997; Harre, 1989). Однако эта критика постепенно переросла в другую крайность – в полный отказ от признания наличия референтной базы для любых понятий, описывающих те или иные психологические состояния, «внутренние», психологические события (см.: Улановский, 2004). К.Герген отказался видеть какую-либо психологическую реальность не только за такими проблематичными понятиями, как «я», «сознание», «субъективность» и т.д., но и за более осязаемыми понятиями, такими, как «чувства», «намерения», «потребности» и т.д.

К.Герген указывает на множество причин, в силу которых вера в существование «внутреннего мира» человека («души», «сознания», «психологической реальности») и язык субъективного опыта («у меня депрессия», «я люблю» и т.д.) закрепились в западной культуре. Среди этих причин он называет историческое влияние греческой культуры и иудео-христианской концепции души; влияние всевозможных социальных институтов (образовательные учреждения, семьи, судебные инстанции и т.д.), для которых удобна презумпция внутренней жизни, стоящей за человеческими действиями; объективация психологического мира в социальных науках XX века, эмпирически доказывающих верность ментальных предикатов и пропозиций (Джерджен, 2003, с.97). Словарь внутреннего мира оправдывается, по мнению Гергена, в силу всеобщего согласия относительно базовых категорий описания других и себя («страх», «печаль», «намерение» и т.д.), без социального подтверждения легитимности которых нельзя было бы вести нормально психологическое существование; в силу согласия относительно контекстов употребления ментальных предикатов; в силу гомогенности способов выражения собственных состояний; в силу гомогенности ценностного языка (*там же*).

К.Герген анализирует множество аргументов, заставляющих нас ложно признавать наличие особого «внутреннего мира» у человека, кроме наиболее веского и очевидного аргумента: наличия хорошо распознаваемых переживаний, которые человек испытывает как то, что происходит именно *внутри* него, в глубине его тела, а не вовне, в мире. Если и искать истоки дискурса души, которую в старину помещали в сердце человека, то их следовало бы искать не в политике, традиции или уникальной ситуации той или иной культурной истории, а скорее в тех ощущениях и сердечной боли, которые сопровождают восприятие человеком своих жизненных событий. Ю.Джендлин в своей известной работе «Переживание и порождение смысла» доказывает, что наши понятия всегда имеют референциальное отношение к определенному рода переживаниям. Он показывает основополагающее значение переживаний, которые он называет «чувствуемыми переживаниями», или «чувствуемыми ощущениями» для самых различных наших понятий (Gendlin, 1962). На наш взгляд, гораздо уместнее утверждать, что конструирование представлений о «внутреннем мире» происходит из первичного опыта подобных внутренне-телесных переживаний, нежели считать их результатом случайно закрепившегося культурно-исторического недоразумения.

В отношении к проблеме языка субъективного опыта мы сталкиваемся с главным противоречием концепции Гергена. Оно заключается в том, что, с одной стороны, Герген говорит о важности поддержания дискурсивного многообразия в науке и культуре, призывая к сохранению и реанимации самых различных языков описания – включая языки субъективного опыта и собственно язык феноменологической традиции. С другой стороны, он сам же делает данное начинание лишенным всякого смысла, доказывая, что язык субъективного опыта – это реликтовый, некритичный, натуралистический язык, от которого на современном этапе следует постепенно отказаться. Несмотря на все заявления об одинаковой ценности любых дискурсов, служащих для описания «психологических феноменов», Герген настойчиво стремится переопределить и переописать все эти феномены на языке социальных, коммуникативных отношений, отдавая последнему явное предпочтение.

Герген справедливо отмечает, что отчеты о переживании более адекватно рассматривать как результат отдельной текстуальной или культурной традиции, в рамках которой люди научаются рассказывать истории о своей жизни себе и другим (*Gergen, Gergen, 2000, p.1027*). Тем не менее, было бы опрометчивым на основании всего этого заключать, что язык описания переживания не говорит нам ни о чем, кроме как об определенной культурной традиции, и что он не отсылает нас референциально ни к чему другому. Можно согласиться с Гергеном, что переживание счастья или печали отражает включенность субъекта в определенную культурную традицию (*Джерджен, 2003, с.155*), так как «счастье» и «несчастье» являются категориями некоторого языка и ценностями определенной культуры и сообщества. Однако Герген заходит явно далеко, когда говорит об отсутствии чего-либо осязаемого и осязаемого, что стоит за этими и другими категориями субъективного опыта. Он постоянно смешивает «переживание счастья» как культурную категорию и некоторое самоощущение человеком, которое в культуре маркируются различными терминами эмоций. Вряд ли будет преувеличением утверждать, что и европеец, и китаец, и представитель доиндустриального сообщества, встречаясь лицом к лицу с опасностью, что-то испытывают, телесно, на уровне самоощущения (неважно, в каком дискурсе они интерпретируют угрожающую ситуацию и свое состояние и какие действия они предпримут на основе этих интерпретаций). Само по себе переживание каких-либо внутренних напряжений (называем ли мы это «чувством несчастья», «страданием», «внутренней болью», «жжением в области живота», «фрустрацией» или «состоянием Х») – является не продуктом определенного дискурса, но чем-то реально происходящим со мной как переживающим психофизиологическим субъектом. Если бы вся проблема душевных переживаний страдания и горя сводилась к проблеме культурных понятий «страдания» и «горя», то психотерапевту достаточно было бы в ходе терапии лишь преобразовать соответствующие «вредные» понятия клиента, для того чтобы он мог почувствовать себя лучше.

Язык переживаний был бы совершенно бесполезен, если бы не имел никакого референциального отношения к чему-либо нелингвистическому. А.Джорджи справедливо замечает, что сама возможность науки зависит от силы языка сообщать о нелингвистическом и в этом заключается парадокс: наука и нуждается, и ограничивается языком (*Giorgi, 1986, p.4*). Учитывая все сказанное, мы не можем согласиться с Гергеном в его попытке обесценить референциальную функцию языка субъективного опыта. Каким бы неудачным, метафоричным, перформативным, конструктивным он ни был, для нас выглядит неоспоримым то, что он так или иначе позволяет нам обозначать собственные переживания и сообщать о них другим. Признавая наличие социального, лингвистического, текстуального конструирования феноменов, мы считаем возможным получение референциально-отнесенных и правдоподобных описаний собственных переживаний.